

Как долго она гнила в тюрьме Конохи?

Таюя снова пыталась играть на флейте, которой не было. Она скучала по своей флейте больше, чем по солнцу. Больше, чем по общению с людьми. Она даже не хотела использовать ее для гендзюцу. Она просто хотела на ней играть.

Поначалу ей льстило, что её поместили в камеру строгого режима, как будто Орочимару когда-нибудь придёт и попытается её вырвать. Но теперь, когда у него был Сасукэ, она, вероятно, была самой далекой от его мыслей. Тем не менее, она полагала, что помощь в убийстве Хокаге - вполне веская причина, чтобы запереть её и выбросить ключ.

По крайней мере, она не была мертва... пока.

Тюрьмы для ниндзя были отстойными. Еда была в виде таблеток. В тюрьме не было ни окон, ни двора, и в зависимости от того, как ты себя вел, ты мог выбирать между распятием и маленькой комнатой, в которой постоянно ощущалась клаустрофобия.

Таюя получила такую комнату за хорошее поведение. В камере были самые унылые каменные стены, какие только можно было найти. Даже туалет находился рядом с кроватью - очень удобно. Большинство идиотов, находившихся здесь, в тот или иной момент пытались сбежать. Таюя не пыталась.

Убежать в инвалидном кресле было сложно.

Механизмы в двери начали поворачиваться. Раздалось несколько громких щелчков и вихрь, прежде чем дверь открылась.

Таюя повернула кресло и посмотрела на своего гостя. Она вроде бы узнала его - трудно было не вспомнить лица последних десяти человек, которых она видела. Это был тот самый нин из Конохи, который впервые встретил ее и четверку, когда они уходили с Саске. Как давно это было?

"Супер петушок?" По крайней мере, она хотела сказать именно это, но вышло что-то вроде жесткого кашля. Она давно не говорила. Ее голосовые связки нуждались в адаптации. У нее накопилось много ругательств.

В комнату вошел Генма. По обе стороны от него стояли два Анбу. "Таюя из Четверки Звука". сказал он спокойным и почти жалостливым тоном.

"Наконец-то решил меня прикончить, а?" Ей удалось задохнуться. "Давно пора, блин, я уже раз двадцать пересчитала количество неровностей на стене. Там даже есть фотография твоей мамы..."

"Ваше присутствие в Конохе было запрошено". категорично заявил Генма. Он шагнул в камеру и двинулся за ней.

"Зачем?" спросила Таюя. Она почувствовала, как ее инвалидное кресло приходит в движение, и внутри нее зародилось чувство возбуждения. Ей очень хотелось снова увидеть солнце, вдохнуть свежий воздух. Солнце так долго снилось ей. "Я уже все рассказал вам, ребята".

Она слышала, как этот ублюдок размахивает во рту этим дурацким сенбоном. Если она правильно помнила, он мог выплевывать их со смертельной силой. Возможно, он целился ей в голову. "Тебя будут проверять".

Это заинтересовало Таюю. "На что? Как считать? Потому что в камере я очень хорошо научилась считать".

Ее моторный рот мог бы продолжать и продолжать, но они переступили порог ее камеры, и все звуки исчезли. Еще одна причина, по которой она ненавидела это место. Любой голос за стенами камеры становился беззвучным. Дверь камеры с лязгом захлопнулась. И была заперта. Крепко.

Таюя хотела поскорее распрощаться с этим местом. Никогда больше не возвращаться в это место - мечта, ставшая явью. Они должны были убить ее, прежде чем она снова окажется в этой коробке. Внешний вид своей камеры Таюя видела лишь однажды. И, судя по тому, что она помнила, по дороге внутрь все было по-другому.

В первый раз ее везли через коридор за коридором, бесконечные повороты и изгибы, только чтобы добраться до камеры. В этот раз они дошли только до конца коридора, где их ждал узкий лифт. Лифт был обнесен клеткой, в которой едва хватало места для ее инвалидного кресла, не говоря уже об охранниках. Потолок тоже был низким. Высокому человеку пришлось бы присесть на корточки, чтобы войти в лифт. Она висела над отражающей черной жидкостью, в которой отражалось все.

Генма вкатил ее в клетку. В ее сознании расцвели следы паники. Еще одна коробка, сказала она себе. Еще одна коробка, и она уйдет отсюда. Дверь клетки захлопнулась за ней.

Лифт задрожал и начал двигаться. Вниз. В сторону жидкости... Она обернулась, чтобы посмотреть на шиноби Листа, стоявших позади нее. Не смущает ли их то, что лифт едет вниз. Ведь вверх - это свобода?

Они ушли.

Эти ублюдки собирались утопить ее.

Ей хотелось пнуть себя за то, что она поверила в то, что они собираются освободить ее. Что они

не собираются просто замять то, что она сделала, под ковром.

Коноха была полна жестоких ублюдков. Зародить в ней такие надежды, а потом убить ее самым ужасным способом. Таюя не умела плавать. Она ненавидела воду. Утонуть было ее самым страшным страхом.

Слезы текли по ее глазам. Она начала трястись в кресле-каталке, отчаянно пытаясь вырваться. Клетка была твердой, и ее усилия были тщетны. Жидкость стекала по ее ногам и начинала подниматься вверх. В этот момент она осознала еще один страх. О котором она даже не подозревала. Клаустрофобия.

По мере того как черная жидкость поднималась все выше в клетку, ее пространство становилось все меньше и меньше. Становилось меньше места для дыхания. Становилось меньше места для движения. Она пыталась встать, чтобы оказаться ближе к поверхности. Чтобы попытаться вынырнуть.

Но было слишком поздно.

Она была в ловушке.

Тонула.

Умирает.

Птицы щебетали.

Что?

Чертова птица щебетала. Она тонула, а птица имела наглость щебетать.

А потом был запах. Какого хрена эта вода пахнет грязью? И почему она не ощущалась как вода. Казалось, что ветер дует ей в лицо. Она открыла глаза.

Почему было так светло?

Глаза Таюи снова зажмурились. Ей пришлось прищуриться и медленно открыть глаза. Всегда ли солнце было таким ярким? Грязь всегда так пахнет? Птицы всегда были такими надоедливymi?

А главное, не тонула ли она всего минуту назад?

И почему она была так голодна?

"Приятно, что ты к нам присоединилась", - сказал Генма. В голосе самодовольного ублюдка слышался смешок. Он всё ещё толкал её инвалидное кресло. "Как раз вовремя, через минуту ты сможешь увидеть Коноху".

Таюя напрягла глаза и увидела зеленые пятна. Намеки на синий. Настоящий цвет! Мир был не просто тусклым коричневым камнем. Единственным другим цветом, который она привыкла видеть в своей камере, был красный цвет ее волос. Она полюбила его. Это был такой яркий цвет. Он выбивался из общего ряда коричневых пятен. "Что это было?"

"О, это гендзюцу, чтобы ты не увидела выход". Она слышала, как болтается этот дурацкий сенбон у него во рту. Если бы ей повезло, он бы подавился этой штукой. "Похоже, у всех по-разному. А у тебя как?"

Таюя хотела бросить на него взгляд. Но все вокруг было еще слишком ярким, чтобы она могла долго смотреть на него. "Вы, ребята, блядь, утопили меня". Она не хотела давать им понять, что это был один из ее самых глубоких страхов.

"Это объясняет плач".

Таюе было плевать, что она будет смотреть на тысячу солнц, она распахнула глаза и уставилась на сукиного сына. Ее взгляд говорил о многом. Но ее рот сказал еще больше. "Я наассу на твою могилу, ты слышишь меня, ублюдок?"

Ублюдок имел наглость хихикать над ней. Как будто она была маленьким милым котенком, который закатил истерику. "Знаешь, если ты будешь грубить мне, это не поможет тебе остаться там".

Это заставило ее замолчать.

"Ах, как звучит проглоченная гордость".

Таюя прикусила язык. Костяшки ее пальцев побелели, когда она ухватила за жесткие подлокотники своего кресла. "Так почему же я все-таки вышел?"

Генма перешел на серьезный тон. "Нам нужен флейтист".

<http://erolate.com/book/4092/114639>